

Рыжова Людмила

ЗЕМНОЙ АНГЕЛ

Женский детектив

18+

Людмила Рыжова

Земной ангел

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Рыжова Л.

Земной ангел / Л. Рыжова — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Молодая обеспеченная девушка попадает в череду страшных событий. Внешне похожая на ангела, она оказывается жестокой убийцей. Как ей помочь преодолеть тягу к насилию? Помощь приходит совершенно с неожиданной стороны.

Содержание

Земной ангел	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	14
Глава 6	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Земной ангел

Глава 1

Ева открыла глаза и увидела, как зеленый утенок переходил дорогу, покрытую плотным туманом. Она потрясла головой, попыталась сфокусировать взгляд на увиденном, но картинка не поменялась. Утенок в это время дошел до края обочины и, переваливаясь, важно вышагивал по брусчатке тротуара.

– Ты собираешься переходить? – кто-то громко спросил прямо над ухом.

Ева встрепенулась и обернулась. Рядом стояла пожилая дама с потрепанной детской коляской, из которой почему-то сильно пахло пирожками с капустой. Причем капуста, видимо, была не первой свежести, потому, что источала кисловато-приторный запах.

Еву затошнило. Она отвернулась и не увидела перед собой ни тумана, ни утенка. Только на противоположном конце пешеходного перехода ярко-зеленым светом горел идущий человек на светофоре.

«Привидится же такое...» – подумала девушка и поспешила ступить на полосатую дорожку. В висках резко застучало, а перед глазами все поплыло. Ева из последних сил, стараясь не грохнуться прямо на проезжую часть, поспешила вперед. Она ступила на тротуар уже тогда, когда пешеходный светофор издал свой последний предупредительный сигнал, после чего по дороге помчались машины.

«Успела», – подумала она с облегчением и резко вздрогнула от внезапной боли. Женщина с коляской, которая, видимо, шла за ней по пятам, наехала колесом ей на ногу.

– Осторожнее, – тихо выдавила из себя девушка.

– Пить надо меньше. А то шатаются тут всякие! Нормальным людям прохода не дают! – огрызнулась тетка и с важным видом покатила свою торбу дальше.

– Я не пьяная. У меня просто очень болит голова.

– Рассказывай, не пьяная она. Алкашка! – не оборачиваясь огрызнулась старуха. Она высоко подняла голову, всем своим видом показывая пренебрежение к Еве.

– Важная и глупая, как зеленый утенок, – прошептала девушка.

К головной боли прибавился звон в ушах, а тошнить стало еще сильнее. Чтобы не упасть, Еве надо было присесть. Туманным взглядом оглядевшись по сторонам, она увидела недалеко скамейку. Переступая ватными ногами, девушка кое-как доплелась до нее и с облегчением села. Сердце быстро застучало. На лице выступил пот. Она закрыла глаза и как – будто провалилась в бездонную яму.

«Надо позвонить Альберту», – подумала она, пытаясь непослушными пальцами безуспешно нащупать телефон в кармане пиджака.

«Наверное, он в сумочке», – промелькнула в голове мысль. Но сумочки почему-то не оказалось.

Ева, преодолевая головную боль, попыталась вспомнить, где оставила сумку... Да и где она вообще была в последнее время... Почему так сильно болит голова... Да где же, наконец, эта чертова сумка...

Тошнота подкатила к самому горлу, в голове зазвенело, а перед глазами появилась серая пелена. И в этой пелене совсем рядом со скамейкой пробежала большая безобразная крыса. На секунду она остановилась и посмотрела прямо в глаза Еве. Девушка вскрикнула и попыталась поднять ноги на скамейку. Но попытка оказалась тщетной. Еве показалось, что она обута не в изящные легкие лодочки, а в свинцовые колодки. Они тянули ноги к земле и придавали тяжесть всему телу.

На груди под пиджаком что-то завибрировало, и сквозь усиливающийся звон в ушах Ева различила знакомую мелодию.

«Это же мой телефон», – сообразила она. С большим трудом расстегнув пиджак, девушка, наконец, добралась до трубки, лежавшей во внутреннем кармане, но та уже перестала звонить. В глазах окончательно потемнело, и Ева, нащупав пальцами кнопку вызова, нажала на нее, даже не зная, кому она сейчас звонит.

– Привет. Что не отвечаешь? – это был голос Альберта. – Я тебя уже заждался. Сказала, что скоро приедешь, что у тебя что-то важное... Ева, почему ты молчишь? Ты меня слышишь?

– Мне очень плохо, – почему-то охрипшим голосом прошептала девушка.

– Что значит плохо? Ты где? Что случилось?

– Я на скамейке...

– На какой еще скамейке?

– Не знаю... Здесь рядом здание цирка... – сознание провалилось в какую-то яму, увлекая за собой тело. Трубка выскользнула из рук и, упав на брусчатку, разлетелась на куски.

Старая бабулька с полупустым выдавшим виды пакетом в руках, проходя мимо, ускорила свой шаг и, поспешно шаркая и оглядываясь, поспешила проч. Молодая пара, следовавшая за ней, напротив, на мгновение остановилась рядом. Ярко раскрашенная девица недовольно хмыкнула и потащила своего худосочного кавалера дальше, поправляя на ходу короткую юбку, из-под которой торчал верхний край одного из чулок. Видимо, им предстояло занятие гораздо более увлекательное, чем разглядывание бледной девушки, лежащей на скамейке.

Больного вида собачонка с грязной шерстью подошла к скамейке, обнюхала свисающую руку девушки, лизнула ее и, зачем-то схватив аккумулятор от телефона, с солидным видом посеменила дальше.

Внезапный порыв ветра схватил с тротуара опавшую листву и с силой бросил ее в лицо Евы. Но она даже не пошевелилась.

Глава 2

– Кирилл Петрович, Вас вызывает Главный, – равнодушно сказала секретарша, когда за заместителем уже почти закрылась дверь.

«Ушел пораньше с работы», – подумал Кирилл Петрович, глубоко вздохнув. В свои сорок семь лет он был уже сильно измученным стариком с выделявшейся залысиной и обвисшими, как у шарпея щеками. Толстыми, как сардельки, пальцами он поправил галстук, одернул дорогой пиджак, расходящийся на выпирающем животе и, стараясь придать себе солидный вид, двинулся в сторону дверей директора фирмы. Сегодня у его вечно недовольной жены был День рождения, и Главный об этом знал. А еще он прекрасно понимал, чем для его заместителя чревата задержка на работе, да еще в такой день. «Наверняка снова будем обсуждать очередное участие в тендоре и смету. Главный был человеком не очень сведущим в строительстве, хотя и возглавлял соответствующую фирму. Зато он был очень амбициозным и алчным. Он считал, что урезав расходный бюджет до минимума, можно построить замечательный дом, положив при этом половину его стоимости себе в карман. А поэтому и составляя коммерческие предложения, цены заламывал космические, совершенно не соответствовавшие реальности. К тому же он был гораздо младше Кирилла Петровича, что уж само по себе задевало его заместителя. И Кирилл Петрович давно уже хотел найти себе другое место работы, но Главный его не отпускал, грозясь написать отвратительную характеристику. Он прекрасно понимал, что без своего зама фирму не потянет в силу своей недалекости и паталогической лени. А сейчас найти хорошее место можно или по рекомендации, или с идеальной характеристикой с предыдущего места работы. Поэтому Кирилл Петрович тихо ненавидел свою работу, своего шефа, свою зарплату и еще тише ненавидел свою жену. Их ничего не связывало: дети уже выросли, кроме квартиры еще имелся неплохой загородный дом, поэтому при разделе имущества проблем с жильем бы не возникло, но в глубине души Кирилл Петрович просто боялся остаться один. И это его терзало больше всего.

– Альберт Вячеславович, вызывали? – уставшим голосом спросил он, открывая дверь Главного.

– Нет, на танцы приглашал, – недовольно парировал начальник. – Почему с зонтом? Куда – то собрался? Садись, дело есть.

– У моей жены сегодня День рождения. Вы же знаете.

– Ничего, родится на несколько часов попозже. Напомни мне, какую должность ты занимаешь в фирме.

Это начало разговора не предвещало ничего хорошего.

– Заместитель директора.

– Вот и выполняй свои прямые обязанности. Через час приедут заказчики. Обсуди с ними все основные вопросы, которые мы наметили. И не вздумай идти у них на поводу. Наши расценки они знают. И никаких рассрочек или передвижения графика оплаты. Не устраивает, гони их к чертовой матери. Я не собираюсь потакать за свой счет нищим и обездоленным. Ты меня понял?

– Да, Альберт Вячеславович.

– Смотри мне! А мне надо уехать. Моя непутевая сестренка опять во что-то вляпалась.

«Уж твоя сестренка гораздо путевее тебя», – подумал Кирилл Петрович.

Начальник, громко хлопнув дверью, вышел, оставив совсем уж морально расклеившегося зама в своем кабинете.

Кирилл Петрович постоял немного в раздумьях, почесывая запотевшую лысину. Затем сел за стол шефа и включил компьютер.

– Даже компьютер выключен. И чем только он весь день занимается. Потом его взгляд упал на забытый планшет, и он понял, что начальник играл в бродилку.

Еще раз тяжело вздохнув, Кирилл Петрович стал просматривать документы, с которыми сегодня предстояло работать. Звонок жене он решил отложить на потом. Не хотелось окончательно портить себе настроение.

В документах царил полный хаос, многое предстояло подогнать. Даже договора не были распечатаны. Хотя, что уж там, они даже не были откорректированы. Прежде, чем встречаться с заказчиками, надо многое успеть. Кирилл Петрович вышел в приемную в надежде заручиться поддержкой секретарши, но ее уже не было на рабочем месте. Только слегка колыхались жалюзи перед незакрытым окном.

Кирилл Петрович закрыл окно, поправил жалюзи. Он во всем любил порядок. Окинув взглядом бумаги на столе секретарши, в надежде все-таки найти необходимые договора, он, не найдя ничего, собирался уже снова возвращаться в кабинет, но увидел на полу рядом со столом стикер. Подняв его, Кирилл Петрович приклеил его на монитор компьютера, машинально прочитав надпись на нем: «Игорь Валерьевич. Среда в 23.00. Не опаздывать» .

Глава 3

За окном уже давно стемнело. Через большие окна на дорожную мебель и текстиль падали тени от высокого забора и качающихся за ним деревьев. Кто-то тихо скребся задверью. Со второго этажа слышались шаги по лестнице. В холле загорелся ночник. Маленькая шуплая фигурка домработницы медленно шаркая старыми тапочками зашла за барную стойку и открыла низенький холодильник. Коротко пшикнула бутылка, выпуская пузыри газа из минеральной воды на волю. Также коротко звякнул стакан и слышался звук наливающейся воды.

– И что же ты так у меня разболелась? – проскрипел дряхлый старческий голос. Этот голос идеально подходил к его хозяйке – Антонине Васильевне – старенькой домработнице. Дом, в котором она служила, был большим, ухоженным, добротным. Чего нельзя было сказать о самой Антонине Васильевне: она была, пожалуй, ровесницей этого дома, но, в противоположность ему, была почти высохшим беспомощным существом, похожим на тень. Свои прямые обязанности домработницы она уже давно не исполняла, поскольку на то имелась молодая прислуга с крепким именем Дарья. Антонину Васильевну же держали в доме из уважения к ее заслугам и возрасту, и даже платили жалованье, которое она складывала «на черный день». Что это должен был быть за «черный день» никто не знал, в том числе и сама старушка. Но тайник регулярно пополнялся новыми денежными поступлениями. К тому же ее считали почти членом семьи. И поэтому эта тихая, никому не мешавшая хранительница старины и родословных секретов мирно жила здесь. В силу своих лет, она страдала сильными головными болями, но никогда не жаловалась на это. Только каждую ночь, просыпаясь от очередного приступа, она тихо спускалась на первый этаж, чтобы выпить таблетку. Хозяева ей давно предлагали переехать на первый этаж, чтобы не подниматься по длинной витой лестнице, но старушка, не желая признавать свой возраст, еще пыталась хорохориться и стойко оставалась в своей комнате на втором этаже.

Антонина Васильевна поставила бутылку назад в холодильник, немного постояла на месте, еле заметно качая головой, как бы разгоняя боль. Затем она услышала тихое шуршание. Несмотря на возраст, слухом она обладала замечательным. Хотя с памятью было не совсем хорошо. Иногда она могла видеть совсем не то, что представало на самом деле перед ее глазами. Потом она с жаром доказывала, что увиденное БЫЛО. Никто уже с ней не спорил, зная чистоту души старушки, затуманенную старческим маразмом и «реальными» видениями.

Антонина Васильевна медленно дошаркала до входной двери и без опаски открыла ее. В комнату важно, как ни в чем не бывало, вошел огромный дымчатый кот. Он с благодарностью начал тереться о ноги своей спасительницы длинной пушистой шерстью.

– Деточка, да кто же тебя оставил ночью на улице? А что, если снова придет этот ирод, да как тебя на опыты?! – запричитала она, глядя кота по большой голове. Кот тыкался в огрубевшие старческие ладони и урчал. Никакого «ирода», который хотел забрать его на опыты, не было. Но пытливый ум и богатое воображение старушки дорисовали себе когда-то увиденную картинку: однажды приходил чистильщик бассейнов и ему приглянулся эффектный кот. К тому же коту тоже понравился рабочий, и он постоянно терся около него, пока тот чистил бассейн. Антонина Васильевна же, видя кучу непонятных для нее инструментов, приняла их за лабораторные принадлежности. А тот факт, что кот периодически запрыгивал к рабочему в бассейн, стал для нее показателем того, что с ним там что-то недоброе делают. В голове сложились пазлы в единую картинку: кота мучают и хотят потом усыпить. Сердобольная старушка даже говорила об этом молодым хозяевам. Те обещали обязательно разобраться, дабы не тревожить еще больше и без того взволнованную домработницу. Антонина Васильевна успокоилась, но иногда, все же, вспоминала этот случай.

Кстати, этого всеми любимого кота звали ни как иначе, как Кот. Просто Кот. В свое время было предложено и перепробовано много кошачьих кличек, начиная от громогласно-благородных, до примитивно-наивных. Но ни одна из них Коту по душе не пришлась, и он отзывался только на кличку «Кот».

Старушка стала подниматься на второй этаж. Кот последовал за ней. Он любил спать на мягкой постели бабушки. Она это приветствовала, думая, что животные всегда спят там, где хорошая аура. И наличие кота у ее ног только поддерживало уверенность Антонины Васильевны не съезжать на первый этаж ни коим образом.

Когда бабушка стала подниматься по лестнице, мимо окна что-то проскользнуло. Тихо скрипнула незапертая дверь и бесшумной тенью в дом кто-то вошел. Оставленный бабушкой ночник не позволил распознать, кто это был. Тень еще раз туманно мелькнула и скрылась за одной из дверей, которая вела в спальню для гостей.

Снова все затихло. Только тусклый свет от ночника выдавал наличие здесь живых людей. Дом медленно снова погрузился в дремоту.

Глава 4

Водитель нервно вцепился в руль, сжимая его так, что костяшки пальцев побелели от напряжения. На улице была глубокая ночь, и машин было мало. Альберт не видел дороги. Его мысли были заняты очень важным для него делом. Он перебирал возможные варианты, пытался просчитать исход событий. Но еще его отец ему говорил, что дальновидность – не его конек. Поэтому мысли переплетались между собой, сбиваясь и наслаиваясь. И от того получалась полная чушь. И если вначале мысль была логична и проста, то потом она же оказывалась запутанной в тугой клубок с оборванными нитями.

На заднем сидении лежала без сознания Ева. Она дышала еле слышно, так, что Альберту приходилось время от времени напрягать слух, подавшись немного назад, чтобы понять, жива ли она. Встречные машины на мгновение ослепляли бледное, почти белое лицо девушки, после чего оно снова погружалось в мягкий полумрак салона.

Альберт сбавил скорость, но машина уже пронеслась мимо нужного поворота. Не обращая внимания на дорожную разметку и возможные машины, водитель резко крутанул руль в сторону. Колеса жалобно заскрипели, и машину крутануло по часовой стрелке. Ева, как вещь в куле, упала на коврики. Но Альберт, не оглядываясь, круто вошел в поворот и, вдавив педаль газа в пол. Машина, сильно рыкнув, понеслась стрелой вперед. Миновав аналогичным образом несколько поворотов, они выехали на загородную, хорошо ухоженную дорогу, и двухтонный седан Bentley Continental, оправдывая свое название, понесся, периодически почти переходя на взлет. Проехав таким образом около десятка километров, он, как ретивый конь встал у одного из загородных домов, обнесенного высоким кирпичным забором с декоративными башенками и флажками. Дом напоминал замок в миниатюре, отличавшийся от последнего, пожалуй, лишь меньшими размерами и менее преклонным возрастом.

От остановки машину снова резко качнуло, и Ева на полу тихо застонала.

Альберт оглянулся, не сразу заметил лежащую внизу сестру и поспешил выйти из машины. Он широко распахнул заднюю дверь и с трудом вытащил оттуда Еву. Она снова почти беззвучно застонала и, безвольно раскинув руки, обмякла, как потрепанная тряпичная кукла.

Плечом надавив на кнопку перламутрового звонка, Альберт, подставив колено, перехватил поудобнее сестру и, тяжело дыша, замер в ожидании. Ждать пришлось недолго. Замок калитки щелкнул, и она медленно стала отползать в сторону. Взгляду открылась дорожка, уложенная клинкерным кирпичом. На другом ее конце стоял дом, утопая в зелени. На его первом этаже и во дворе горел свет, а на крыльце, несмотря на позднее время, в форме и накрахмаленном белом чепчике стояла Дарья. Ее фигура даже издалека была прекрасна: длинные стройные ноги переходили в округлые бедра, упругость которых угадывалась под узкой юбкой-карандашом, грудь была высокой и полной, а талия, при всем при этом, была на редкость тонкой и изящной. Своим изяществом не уступала и длинная шея, с нежной белой кожей, черты лица были на редкость аккуратны. Во всем ее теле была постоянная борьба между дородностью и хрупкостью. И эта борьба бурлила в ней, обдавая страстным жаром ее хозяина. Волосы, собранные в тугое ребро, постоянно норовили вырваться наружу и, когда она распускала их, тяжелыми крупными прядями падали на ее покатые плечи, рассыпаясь густыми смоляными реками. Весь образ дородности и изящества завершали руки Дарьи: с длинными пальцами, но несколько ширококатыми ладонями. Они были у нее такими сильными, что она с легкостью переносила по две бутылки с водой одновременно, чем восхищала и немного пугала курьера питьевой воды.

Домработница распахнула перед Альбертом входную дверь, придержала голову Евы, чтобы та не ударилась и, не выражая никаких эмоций, двинулась вслед за хозяином. За годы службы в этом доме, она уяснила, что дела хозяйские – это дела только лишь хозяйские, и ника-

кого отношения она к ним не имеет. Ее дело исполнять то, что требует ее статус. А там хоть волком вой в подушку, лишь бы хозяева не слышали, потому, как к ним надо всегда выходить с улыбкой и в добром здравии. Этому ее научил еще старый хозяин – человек уравновешенный и мудрый. Он желал юной девушке добра и иногда говорил: «Хочешь, чтобы тебя ценили, как хорошего работника и платили достойную зарплату – будь хорошим работником. Эмоции – это слабость. Посмотри на себя: в тебе сошлись два мира – кротости и непокорности. И ты смогла их обуздать. Зачем тебе лишние эмоции и ненужная любознательность. Сильный человек тот, кто может победить в себе свои же эмоции и чувства. Только такой человек способен внушать к себе уважение. И, если ты думаешь, что ты – прислуга, и уважения тебе не добиться, ты глупо ошибаешься. Посмотри на Антонину Васильевну: она уже отошла от своих прямых обязанностей, но по – прежнему живет с нами. А все потому, что она заслужила уважение к себе. Даже я никогда не позволял себе ни разу повысить на нее голос. Подумай об этом, девочка. В конце концов, не век же тебе в прислугах ходить.»

Альберт, тяжело дыша, поднял Еву в ее спальню, которая находилась на втором этаже. Он положил ее безвольное тело на кровать, прямо поверх покрывала.

Он вытер ладонью со лба выступивший пот и перевел дыхание. Ева, маленькая, хрупкая с детскими чертами лица и светло-русыми наивными кудряшками была и вправду похожа на ребенка, особенно сейчас, когда находилась без сознания. Она мирно сопела, как будто просто спала.

– Даша, срочно вызови Германа, – коротко сказал Альберт, выходя из комнаты. – А я пока в душ.

Дарья поправила подушку под головой Евы, одернула край одеяла, которым уже успела укрыть девушку и подошла к телефону, который находился в комнате хозяйки.

После двух гудков трубку сняли. Лечащий семейный врач прекрасно понимал, что, несмотря на свой высокий профессионализм, может легко вылететь со своего хлебного места, если не будет потакать всем капризам своих работодателей. Его совсем не смутило позднее время звонка, и он, несмотря на то, что уже спал, ответил бодро и без колебаний.

– Я Вас слушаю, Альберт Вячеславович.

– Это Дарья. Альберт Вячеславович только что привез Еву Вячеславовну без сознания. Вам надо срочно подъехать.

– Уже в пути, – в трубке снова послышались гудки.

Дарья положила трубку и села на край кровати. Она еще раз машинально поправила одеяло. Пристально вглядываясь в лицо хозяйки, она пыталась понять, что с ней происходит. Дарья работала в этом доме около шести лет, придя сюда совсем юной, наивной 18-летней девушкой. Ей сразу понравилась молодая хозяйка. Хотя в то время ее и хозяйкой назвать было сложно. Это была веселая девчушка семнадцати лет, до безумия любившая своих родителей и брата. Она легко порхала по дому и никогда ни на кого не злилась. Она внешне была настолько беззаботной, что никто бы и предположить не мог, что в этой маленькой светлой головке есть трезвый и пытливый ум. Она не интересовалась делами отца, но тогда, когда тот просил ее помочь ему, с легкостью вникала в ситуацию и выдавала свежие, хорошо продуманные решения и идеи. Ей все давалось легко: работа, дружба, жизнь. И Дарью она воспринимала скорее не как прислугу, а как подругу, периодически даже порываясь помогать ей по дому. Правда, отец всегда ее одергивал, говоря, что каждый должен знать свое место. Этим он не пытался унижить Дарью, просто, как всегда, оказывался прав.

Когда родители Евы и Альберта погибли в автокатастрофе, все дела на себя взял Альберт. Ева не была против. Она, скорее, мысленно находилась долгое время где-то в другом мире. Ей очень тяжело далась потеря близких и горячо любимый ею людей. Со временем боль притупилась. Ева изменилась: она уже не была такой веселой и беззаботной, но доброй и наивной осталась. Она по-прежнему не пыталась главенствовать над Дарьей, а, отдавая указания по

дому, всегда начинала с обращения «Дашуля». И Дарье очень нравилась Ева: за спокойствие, доброжелательное отношение и, что самое главное, за ясность души.

Правда, в последнее время с Евой Вячеславовной стало что-то происходить странное: иногда по ночам она разбрасывала свои вещи, а утром не помнила об этом ничего; могла заснуть в беседке, а потом не вспомнить, как вообще здесь оказалась. А однажды, Альберт Вячеславович нашел на кухне истерзанную тушку курицы, а рядом с кроватью Евы нож с остатками бойни. Тогда Ева даже боялась засыпать и просила некоторое время закрывать ее комнату снаружи, потому как решила, что сошла с ума.

А сейчас вот ее привез брат без сознания. При ней не было ни сумки, ни телефона, и где она была тоже неизвестно.

Раздумья прислуги были прерваны ее хозяином. Он вошел в комнату в домашнем халате, который, впрочем, смотрелся на нем, как дорогой костюм. Хотя любая вещь смотрелась на нем именно так. Его ухоженное тело с рельефным торсом способствовали этому. Альберт был не высок, но хорошо сложен. Его светлые волосы имели свойство завиваться, как у сестры. Но он их всегда укладывал назад, и это придавало ему солидности и шарма. Альберт не был красавцем. Он был ухоженным, дорого и совкусом одевающимся мачо, который знал себе цену.

– Ты позвонила Герману?

– Да, конечно...

В этот момент в дверь позвонили, и Дарья поспешила вниз.

Глава 5

Кирилл Петрович открыл дверь своей квартиры около двенадцати часов ночи. В квартире стояла странная тишина, свет нигде не горел.

«Странно...» – подумал Кирилл Петрович. «Где Вера? Даже ни разу не позвонила сегодня вечером. Он включил в прихожей бра, медленно снял пальто и аккуратно повесил его в шкаф, стараясь не скрипнуть дверью. Затем сел на пуфик, чтобы снять обувь и нечаянно наступил на ложечку для обуви, которая валялась рядом на полу. Ложечка треснула, и Кирилл Петрович моментально замер, внутренне весь сжавшись. Он ожидал, что разбуженная жена сейчас, как разъяренная фурия, выскочит из спальни и закатит скандал. Но ничего не произошло. Кирилл Петрович подождал еще несколько мгновений, затем все же снял обувь и поставил ее в калошницу. Сейчас в его голове промелькнула мысль: а почему эта ложечка вообще лежит на полу. Полка, на которой она всегда лежала, находится совсем в другом месте. Жена была очень аккуратна и все вещи в доме имели свое строгое место.

На душе где-то заскреблись кошки. Хотя – нет, не кошки, пока еще маленькие котята. Но, когда Кирилл Петрович, методично стал осматривать комнаты, поочередно включая в каждой свет, его нос уловил запах мужского парфюма: далеко не самого дорогого, но все же... Около спальни запах усиливался. Котята на душе все же переросли во взрослых кошек, которые довольно – таки больно стали впиваться в невидимую ткань души. Кирилл Петрович как – то судорожно и быстро нажал на выключатель, и комнату залил яркий, почему-то непривычный для глаз свет. Кирилл Петрович ожидал увидеть все, что угодно: разбросанные вещи, связанную на стуле жену, любовника в их постели. Воображение в это мгновение успело нарисовать много душераздирающих картин. Но, вопреки всему, он увидел, как всегда идеально убранную комнату, заправленную постель и листок бумаги на ее покрывале. Все, как всегда... Хотя, что значит, все, как всегда?.. Что это за листок? Он почти подбежал к постели, схватил листок, быстро развернул его и увидел ровный, округлый почерк своей жены: «Кирюша! Я никогда так тебя не называла, но сейчас особый случай. Мы с тобой вместе прожили долгую жизнь. Наверное, даже слишком долгую для нас двоих. Не все было у нас гладко. За то, в чем виновата я – прости. Но ты давно стал для меня просто соседом. А я хочу любви. Я хочу, чтобы мной восхищались и нуждались во мне. Да, я уже не девочка и понимаю это. Я свыклась с мыслью о том, что до конца своих дней буду сидеть дома, варить борщи, стирать белье и смотреть сериалы. А я ведь их ненавидела, сериалы эти. В них так все сладко: страсть, любовь и счастливая жизнь. Но недавно я встретила мужчину. Он ошибся квартирой. Приехал к своему другу с Сахалина и просто ошибся квартирой. Хотя не просто, он еще умудрился ошибиться и с домом. Но это было не важно... Да, что я говорю? Именно это и оказалось важным. Не знаю почему, но я пригласила его попить со мной чая. Мы проговорили с ним почти два часа. Я уже сейчас и не вспомню, о чем, но ты понимаешь, что значит проговорить с незнакомым человеком два часа. Мы уже тогда поняли, что являемся родственными душами. Между нами уже тогда возникла страсть. И, когда он пришел ко мне в следующий раз, эта страсть воплотилась в ... Ты же понял сам, о чем я. И тогда я поняла, что не сериалы я ненавидела на самом деле, а свою жизнь: серую, неинтересную, прозябающую. И тебя. Я поняла, что ненавидела тебя. Прости. Если сможешь, прости!!! И ругались мы из-за этого. Я ведь еще поняла, что моя ненависть к тебе была взаимной. Ты живешь со мной по привычке и по той же привычке ненавидишь. А я так не хочу. Теперь я поняла, что и не могу. Этот случайный незнакомец стал для меня гораздо важнее и роднее тебя. Сегодня он улетает домой. Я – вместе с ним.

Детям я все объяснила. Не знаю, поняли ли они меня, но, по крайней мере, отпустили. Отпусти и ты.

Еще раз прости.

Вера.»

Кирилл Петрович тяжело опустился на постель. Кошки в душе, обломав все когти, перестали скрести. Мысли в голове собрались в кучу. Их становилось все больше и стало казаться, что они лезут наружу, раздвигая черепную коробку. Голова заболела внезапно и очень сильно. Кирилл Петрович, обхватив ее руками, сдавил, как мог крепко, как будто не пуская мысли на волю. Но они все лезли и лезли. С тяжелым глубоким вздохом Кирилл Петрович лег на постель, закрыл глаза, сжал их до боли и замычал сквозь зубы, как большой раненый зверь.

И вдруг все куда-то ушло: и мысли, и боль, и тяжесть. В голове как бы все прояснилось.

Кирилл Петрович открыл глаза, осмотрелся вокруг и понял, чего ему не хватало все это время: свободы. Ведь он был пленником, пленником везде: на работе, дома, даже в своем собственном сознании: он боялся подумать чего-нибудь лишнего про жену, про детей, про своего начальника. А ведь Вера права: он ее ненавидел. И это чувство, оказывается, было взаимным. Она его тоже ненавидела. Да какое же это счастье. Все было честно. Нет, не эта измена его жены. Но она была лучшим, что было у них с Верой за последнее время. Да, именно у них. Изменила она, а получил свободу он. Почему он боялся одиночества? Ведь это можно назвать и по-другому: свободой.

Кирилл Петрович встал, выпрямился. На лице его светилась улыбка. Он вышел на кухню, налил себе водки, залпом выпил ее и с наслаждением растянулся на кухонном диване.

Глава 6

– Организм Евы Вячеславовны просто напичкан транквилизаторами. Вы не знаете, зачем она их принимает? Я ничего подобного в последнее время ей не прописывал, – Герман закончил осмотр и аккуратно прикрыл Еву одеялом.

– Транквилизаторы?.. Нет, не думаю. Ничего подобного я за ней не замечал. Возможно она сама, чувствуя себя нехорошо, купила себе препарат.

– А она себя чувствовала плохо?

– Не могу сказать однозначно, но у Евы в последнее время часто болела голова. Я не стал бить тревогу, поскольку сестра списывала свое недомогание на усталость на работе. За последний месяц у нее было много заказов... Сколько раз я ей говорил, что ландшафтный дизайнер – профессия не ее социального статуса. Так нет же – уперлась: «Мне нравится, я отдыхаю душой, создавая красоту».

– Учитывая количество принятого сегодня препарата, я не могу назначать ей еще что-либо. Это может привести к банальной интоксикации. К тому же она еще не скоро отойдет от этих транквилизаторов. Если Вы позволите, я останусь пока рядом с Евой Вячеславовной и проконтролирую ее динамику.

– Я сам хотел Вас об этом попросить. Мне необходимо заняться неотложными делами. Бизнес не терпит перерыва. А так я могу быть спокоен за Еву, – Альберт облегченно вздохнул. – Её жизни действительно ничего не угрожает?

– На данный момент – нет. Мы вовремя промыли желудок, хотя основная масса препарата успела всосаться в кровь. Поэтому Ева Вячеславовна еще долго проспит.

– Если вдруг что-то произойдет – звоните. В любое время.

С этими словами Альберт вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Ева бездвижно лежала в постели, вытянув вдоль тела тонкие белые руки. Бледное лицо девушки не выражало никаких эмоций. Оно было безжизненным и неестественно холодным. Под глазами темно-синими полумесяцами выделялись мешки. И ранее свежее и молодое лицо сейчас можно было назвать измученным и старческим.

Герман еще раз послушал пульс. Он еле ощущался, но был ровным. Ступая по дорожному ковру с большим ворсом, Герман неслышно приблизился к массивному резному креслу и погрузился в его необъятные недра. В комнате стояла звенящая тишина. Удобное кресло навевало сладкую дремоту. Чтобы не уснуть, Герман встал и подошел к окну. Взору предстали ухоженный сад с ровной дорожкой из клинкерного кирпича посередине. За шикарными цветами ухаживал садовник, ловко орудуя секатором. На широком бортике бассейна сидел Кот, блаженно шурясь. Он изредка поворачивал свою большую холеную морду и делал это с такой надменной важностью, что становилось смешно. В очередной раз повернув голову, он остановил свой взгляд на окне, у которого стоял Герман. Дернув ухом, Кот как бы ухмыльнулся, расплывшись в оскальной улыбке. Герман невольно улыбнулся. И в этот момент он ощутил странное чувство близкого присутствия кого-то за спиной. Не успев обернуться, Герман почувствовал сильный удар по затылку и резкую боль. Перед глазами замелькали красные пятна, во рту ощутился солено-приторный вкус крови. Герман машинально оперся ладонями об окно и кашлянул. Капли крови брызнули на стекло и стали медленно по нему стекать. Почти сразу последовал второй удар. Тело тяжело упало на ковер, ворс которого приглушил его падение. Дорогая текстура стала медленно напитываться кровью. Вишневое пятно резко выделялось на бежевом фоне ковра.

Кот, склонив голову набок, лениво мяукнул. И все с тем же важным видом отвернулся от окна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.